

18+

Клетка из лепестков

Маргарита Казакова

Маргарита Казакова

Клетка из лепестков

«Издательские решения»

Казакова М.

Клетка из лепестков / М. Казакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-674119-5

«Клетка из лепестков» — история Анны и Кати. Мать, душащая дочь «заботой», и дочь, сбегаящая от любви-тюрьмы. Путь Кати — через панику свободы, ошибки и терапию — к своему голосу. Путь Анны — через шок осознания токсичности, глиняные чашки и боль терапии — к себе. Две исповеди. Два исцеления. Хрупкий мост из доверия, красной чашки и музыки, сыгранной для себя. Роман о том, как любовь может ранить, а границы — спасти. Как из токсичной близости вырастают новые берега.

ISBN 978-5-00-674119-5

© Казакова М.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1 УДУШЬЕ	6
Глава 1: Звонок в Тишине	6
Глава 2: День как День: Жизнь по Расписанию Любви	8
Глава 3: Взлом Границ: Университетский Скандал	11
Глава 4: Побег	14
Глава 5: Пустота: Материнская Боль (Голос Анны)	17
Часть II: ЗЕРКАЛА И ТРЕЩИНЫ	19
Глава 6: Свобода = Паника (Катя)	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Клетка из лепестков

Маргарита Казакова

Дизайнер обложки Маргарита Казакова

© Маргарита Казакова, 2026

© Маргарита Казакова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0067-4119-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1 УДУШЬЕ

Глава 1: Звонок в Тишине

Тишина. Непривычная, густая, почти осязаемая. Она обволакивала Катю, как теплое одеяло, и в то же время давила на виски, заставляя сердце биться чаще, чем нужно. Она лежала на узкой койке в чужой комнате чужого города, впитывая эту тишину каждой клеткой тела. Никогда еще тишина не была таким роскошным, таким запретным плодом.

За окном моросил осенний дождь, стуча по подоконнику монотонным ритмом. Катя закрыла глаза. Еще вчера этот звук был бы заглушен гулким эхом просторной, всегда безупречно чистой комнаты в родительской квартире. Эхом, которое заполняли голос матери, скрип дверей, звон посуды, вечный фон тревожной, неусыпной жизни, центром которой она была. А теперь – только шорох дождя и собственное дыхание. Свобода. Горькая, пугающая, выстраданная свобода.

На тумбочке замигал экран телефона. Яркий, навязчивый, как сигнал тревоги. На экране – одно слово: МАМА.

Катя замерла. Тело сжалось в комок инстинктивного страха. Горло перехватило. Сердце, только что успокоившееся, снова забилося бешено, неровно, посылая волны жара по телу. Рука сама потянулась к телефону, пальцы дрогнули в сантиметре от стекла. Старый рефлекс. Ответить. Успокоить. Обещать, что все хорошо, что она поела, что она тепло оделась, что она все делает правильно.

«Катюшенька? Ты где? Я волнуюсь! Ты же знаешь, у меня сердце...» – голос матери, пронзительный, полный искусственной (или настоящей?) паники, звучал у нее в голове, отчетливый, как будто трубка уже была у уха.

Катя резко отдернула руку. Сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль – крошечная, реальная – помогла. Нет. Она не взяла трубку. Звонок оборвался. Экран погас, погрузив комнату снова в полумрак и тишину, нарушаемую только дождем.

Облегчение. Оно нахлынуло волной, теплой и расслабляющей, смывая напряжение с плеч. Она смогла. Не поддалась. Непустила этот всепроникающий контроль в свою первую, хрупкую крепость свободы.

Но тут же, следом, приползло другое чувство. Острое, знакомое до тошноты. Вина. Колющий комок подкатил к горлу. Мама волнуется. Мама не спит. Мама плачет. Потому что она – плохая, черствая, эгоистичная дочь. Потому что она сбежала. Потому что она разбила сердце единственному человеку, который «дышал ею».

Катя повернулась на бок, уткнувшись лицом в прохладную наволочку. Запах чужого стирального порошка. Еще одно напоминание о новом, неустойчивом мире. Перед глазами, ярче, чем экран телефона, вспыхнула картинка из прошлого.

Магазин детской одежды. Яркий, шумный. Ей лет восемь. Она стоит перед зеркалом, одетая в платье – розовое, пышное, с огромным бантом на поясе. Оно чешется. Оно кажется ей нелепым, как наряд куклы. Рядом – Анна. Мама. Красивая, улыбающаяся, но глаза... глаза напряжены, в них горит какой-то странный, почти фанатичный огонек.

«Смотри, Катенька, какая прелесть! Как принцесса!» – голос Анны звонкий, перекрывающий фоновый гул магазина. Она поправляет бант, затягивает его туже. Катя еле сдерживает слезы. Ей не нравится. Она видела другое платье – простое, синее, с корабликами.

«Мама... а вон то? Синее?» – робко тянет она, указывая пальчиком.

Анна даже не поворачивается. Ее улыбка не гаснет, но становится жестче. «Синее? Нет, солнышко. Это совсем не твой цвет. Ты же у меня моя розовая девочка! А это – идеально. Я лучше знаю, что тебе к лицу». Она гладит Катю по голове, но жест был каким-то чужим, собственническим. «Продавец, мы берем это. Заверните, пожалуйста».

Маленькая Катя в зеркале. Глаза огромные, полные беспомощных слез, которые она боится пролить. Платье давит под мышками, бант душит. Она чувствует себя куклой. Куклой, которую одевают, причесывают, которой говорят, что и как чувствовать. Куклой в красивой, розовой, душистой клетке. «Мама лучше знает...» – эхом отозвалось в голове у двадцатилетней Кати, лежащей на чужой койке.

Она сглотнула комок в горле. Вина снова накатила, но теперь к ней примешивалась знакомая, глухая злость. Злость на эту розовую тюрьму. На этот голос, который всегда «знал лучше». На эту любовь, которая душила, как лиана, обвившаяся вокруг горла.

Катя глубоко вдохнула запах чужого порошка. Чужой город. Чужая кровать. Своя жизнь. Пока – только тишина и страх. Но это ее страх. Ее тишина.

Телефон снова замигал. МАМА.

Катя накрыла его подушкой. Глухой, приглушенный виброзвонок все равно проникал наружу, настойчивый, как стук в запертую дверь. Она сжалась еще сильнее, закрыла глаза и стала считать стук капель по стеклу. Один. Два. Три...

Тишина была ее единственной защитой. И единственным доказательством, что побег – не сон. Что клетка, пусть и сделанная из лепестков, осталась там, за сотни километров. Пока.

Глава 2: День как День: Жизнь по Расписанию Любви

Три года назад. Семнадцать лет. Катина лицо еще не знало той затаенной усталости, что проступит позже, но в глазах уже жила тень – постоянного ожидания, легкой взвинченности, как у животного, слышащего шаги над клеткой.

Будильник прозвенел ровно в семь. Но Катя уже проснулась за минуту до – от звука осторожно прикрываемой двери спальни и шелеста ткани. Она притворилась спящей, прислушиваясь. Знакомые шаги Анны подошли к шкафу, затем к кровати. На стуле у изголовья мягко шлепнулась стопка одежды.

«Катюша, солнышко, вставай. Сегодня похолодало, я тебе кофточку теплую приготовила и эти брючки. Не забудь надеть маечку под низ, а то продует». Голос Анны был ласковым, медовым, но в нем звучала стальная нить неизбежности. Она не спрашивала. Она знала. И сообщала.

Катя открыла глаза. На стуле аккуратным квадратом лежали бежевые утепленные брюки и розовая кофта с воротником-хомутом. Все из новой коллекции, дорогое, стильное – но выбранное не ею. Никогда ею. Она встала, машинально потянулась к любимым джинсам и серому свитеру, висевшим на вешалке.

«Катя, что ты?» Анна появилась в дверях как по волшебству, будто почувствовала неповиновение сквозь стены. В руках – тарелка с идеально нарезанными фруктами. «Я же приготовила! В джинсах замерзнешь, а этот свитер уже староват, да и цвет тебя не красит. Надень то, что я положила. Я лучше знаю, как тебе не простудиться». Она поставила тарелку на тумбочку, поправила уже идеально лежащую одежду на стуле. Ее улыбка не дрогнула, но в глазах читалось: «Не спорь. Ты же не хочешь расстраивать маму?»

Катя сглотнула. Слово «расстраивать» висело в воздухе невидимым, но тяжелым облаком. Она, молча, взяла приготовленные брюки и кофту. Ткань была мягкой, качественной. И чужой.

Завтрак проходил под аккомпанемент материнских комментариев. Катя ела овсянку («Самая полезная каша, я добавила сухофруктов, как ты любишь») и фрукты («Витамины, Катенька, иммунитет поддержат»). Анна сидела напротив, не ела, пила кофе и наблюдала. Каждый кусочек, каждая ложка ощущались под этим пристальным, заботливым взглядом как экзамен.

«Ты сегодня на курсы английского? Не забудь учебник. И папку с распечатками. Я тебе ее вчера сложила, лежит в рюкзаке».

«Да, мам».

«После курсов сразу домой. Не задерживайся. На улице слякоть, промочишь ноги – заболешь».

«Я хотела с Леной в кафе...» – робко начала Катя, глядя в тарелку.

«С Леной?» Брови Анны поползли вверх. «Катя, милая, ты же знаешь, Лена... не самый подходящий круг. Они там курят, наверняка, да и родители у нее... не очень. Лучше отдохни дома. Я пирог яблочный хотела испечь, ты мне поможешь? Специально муку хорошую купила...»

Голос Анны стал чуть тоньше, проникновеннее. «Специально купила...» Катя почувствовала, как к горлу подкатывает знакомый комок вины. Мама старалась. Покупала хорошую муку. Хотела пирог. А она... она хотела пойти с «неподходящей» Леной. Быть эгоисткой.

«...да, мам. Помогу», – выдохнула Катя, отодвигая тарелку с недоеденным яблоком. Аппетит пропал.

Дорога до курсов заняла ровно двадцать минут на автобусе. Ровно через десять минут после выхода Кати из дома зазвонил телефон.

МАМА.

«Катюш? Доехала? Автобус не опоздал? Ты не замерзла? Кофта теплая?»

«Все хорошо, мам. Доехала. Тепло».

«Молодец. Занимайся хорошо. Я тебе через час позвоню».

Ровно через час, когда преподаватель объяснял Present Perfect Continuous, телефон в рюкзаке завибрировал. Катя вздрогнула. Все обернулись. Она, краснея, потянулась за сумкой, но звонок оборвался. Через секунду пришло СМС: «Катя? Все в порядке? Почему не берешь?»

Катя быстро набрала ответ под партой: «Занятия. Все ок. Отправила. Через минуту: «Хорошо. Позвони, как выйдешь».

Она попыталась вникнуть в правило, но концентрация была потеряна. В голове стучало: «Позвони, как выйдешь. Позвони, как выйдешь». И страх – вдруг забудет? Мама начнет волноваться, звонить на курсы, преподавателю.... Снова будет стыдно.

После курсов Катя послушно пошла домой. Мимо того самого кафе, где в окне мелькнула знакомая рыжая голова Лены. Она отвернулась и ускорила шаг. Дома пахло корицей и яблоками. Анна встретила ее в фартуке, сияющая.

«Ну, вот и моя умница! Как занятия? Все поняла? Иди мой ручки, сейчас чайку попьем с пирогом! Я тебе самый красивый кусочек отрезала!»

Пока Катя мыла руки, Анна аккуратно повесила ее куртку, заглянула в рюкзак.

«О, папка с распечатками.... Так, а где тетрадь по грамматике? Ты ее не забыла?»

«Нет, мам, она там, под папкой».

«Надо аккуратнее складывать, Катенька, помнишь? Порядок в вещах – порядок в голове». Анна достала тетрадь, погладила корешок, положила на стол рядом с идеальным кусочком пирога. «Садись, пей чай, пока горячий. Я добавила медку, для горлышка».

За чаем Анна расспрашивала о занятиях, о преподавателе, о том, кто еще был на курсах. Катя отвечала односложно. Ее мысли были в кафе, с Леной, где можно было бы смеяться громко и говорить глупости, а не бояться неправильно, употребить время глагола. Анна заметила ее рассеянность.

«Ты что-то грустная, доченька? Что случилось? Девчонки какие-нибудь обидели? Или преподаватель? Ты скажи!» Голос звучал тревожно, Анна наклонилась к ней, пытаясь поймать взгляд.

«Нет, мам, все нормально. Просто устала», – поспешно сказала Катя.

«Устала? Надо витаминов пропить! И ложиться пораньше! Сегодня никакого телефона в кровати, ясно? Глаза отдыхать должны!»

Вечер. Катя пыталась сделать домашнее задание. Телефон лежал рядом. Она знала, что это ловушка, но все равно взяла его, машинально открыла мессенджер. Лена прислала смешной мем и вопрос: «Че не пришла?» Катя начала набирать ответ...

Дверь в комнату открылась без стука. Анна несла стакан теплого молока с медом. Ее взгляд сразу упал на телефон в руках Кати.

«Катя! Я же сказала – отдых для глаз! И что это ты делаешь? Опять с той... Леной?» Анна поставила стакан с таким стуком, что молоко расплескалось. «Я не понимаю, что ты в ней нашла! Она тебя в плохую компанию затянет! У нее мысли только о тусовках! Ты же умная девочка, тебе институт поступать!»

«Мам, я просто...»

«Нет „просто“! – голос Анны зазвенел. – Я твоя мать, я переживаю за тебя! За твое будущее! Я же не сплю ночами, думаю, как тебе лучше! А ты...» Она сделала паузу, и ее лицо искажилось настоящей болью. «Ты вместо учебы с сомнительными подружками переписываешься. И шапку забыла снять в коридоре, она на полу валяется! Я же новую, дорогую купила, чтобы ты не мерзла!»

Шапка. Катя даже не заметила, как она упала. Но это было неважно. Важно было тонущее чувство вины, которое снова накрывало с головой. Она виновата. В шапке. В Лене. В том, что мама не спит ночами. В том, что мама переживает. Она – плохая дочь.

«Прости, мам...» – прошептала Катя, глядя в стол. «Я не хотела...»

Анна вздохнула, глубоко, как будто сдерживая слезы. Она подошла, погладила Катю по голове. «Я знаю, солнышко. Ты у меня хорошая. Просто не думаешь иногда. Надень шапку на вешалку, выпей молочко и ложись спать. Завтра новый день. Я тебе уже одежду на завтра приготовила».

Она вышла, тихо прикрыв дверь. Катя сидела, глядя на экран телефона, где так и не был отправлен ответ Лене. Сообщение стерлось. Она взяла стакан с молоком. Оно было сладким, теплым, удушающе-нежным. Как объятия, из которых нельзя вырваться.

Она допила молоко, покорно отнесла шапку на вешалку и подошла к стулу. Там уже лежала аккуратная стопка одежды на завтра. Синие утепленные джинсы и голубая водолазка. Анна «знала лучше», что завтра опять похолодает.

Катя погасила свет и легла в кровать. В темноте она чувствовала себя маленьким, беспомощным щенком. Запертым в теплой, чистой, наглухо закрытой конуре. Снаружи стучал дождь. А внутри было тихо. Тишиной полного, абсолютного послушания. И бессилия. Любовь душила, мягко и неотвратимо, как лианы, оплетавшие ее жизнь с самого детства. Она сжалась в комок и закрыла глаза, ожидая звонка будильника. Завтра будет точно такой же день.

Глава 3: Взлом Границ: Университетский Скандал

Прошло два года. Девятнадцать. Катина комната в общежитии была крошечной, зато ее. Здесь не было стула с аккуратно разложенной одеждой на завтра. Здесь не пахло яблочным пирогом в шесть вечера. Здесь она могла дышать. Пусть неглубоко, с оглядкой, но дышать.

Учеба на первом курсе филфака была сложной. Особенно тяжело давался старославянский. Преподаватель, Ирина Петровна, женщина строгая, с ледяными глазами и губами, сложенными в вечную складку недовольства, казалась Кате живым воплощением древних текстов – непонятным и пугающим. Сегодня после семинара Ирина Петровна в резкой форме раскритиковала работу Кати, которую та писала три ночи. «Поверхностно! Бездоказательно! Не вижу глубины понимания! Переделывать!» – звучало у нее в ушах, пока она шла по коридору, сжимая папку до побеления костяшек.

Больше всего Катя боялась разочаровать. Разочаровать Ирину Петровну, маму... Себя. Комок отчаяния и несправедливости (она же старалась!) стоял в горле. Слезы предательски подступали. Ей нужно было выговориться. Просто... выпустить пар. Без советов. Без немедленных действий. Без маминого «Я знаю, как лучше!».

Она зашла в туалет, заперлась в кабинке, достала телефон. Руки дрожали. Набрала номер. МАМА.

«Алло? Катюша? Что случилось?» – голос Анны мгновенно стал напряженным, сканирующим. Она всегда чувствовала Катину слабинку сквозь километры.

«Мам...» – голос Кати сломался. Слезы хлынули. «Преподавательница... старославянский... она... она разнесла мою работу в пух и прах... сказала переделывать... и так зло... я старалась...»

«Что?!» – тон Анны стал стальным. «Как она смеет? Как ее фамилия? Петрова? Эта... Ирина Петровна? Ты же говорила! Она что, при всех?»

«Ну да... но мам, я просто...»

«Никаких „просто“! – перебила Анна. Голос звенел от праведного гнева. – Это унижение! Это непрофессионализм! Ты моя дочь! Я не позволю какой-то неудачнице самоутверждаться за твой счет! Я сейчас все решу!»

«Мам, НЕТ! – Катя даже подпрыгнула в кабинке, сердце, уходя в пятки. – Тебе не надо! Я сама! Я переделаю работу! Пожалуйста...»

«Молчи! Ты слишком мягкая, Катя! На таких, как эта Петрова, только с позиции силы! Я сейчас позвоню в деканат! Нет, лучше приеду! Защищу тебя! Не волнуйся, солнышко!»

«МАМА! НЕ НАДО! Я...» – но в трубке уже гудел короткий гудок. Анна положила трубку.

Катя прислонилась лбом к холодной кабинке. Паника, острая и липкая, охватила ее. Она придет. Она придет и устроит сцену. Все увидят. Все узнают, что она – маленькая девочка, за которой прилетела мамочка разбираться. Стыд сжег ее изнутри, жарче слез. Она быстро умылась, стараясь скрыть следы слез, и вышла, чувствуя себя приговоренной.

Через час, когда Катя сидела в читальном зале, пытаясь вникнуть в убийственные комментарии Ирины Петровны на полях работы, в дверь зала кто-то громко постучал. Все подняли головы.

В дверях стояла Анна.

Она была одета в элегантное пальто, лицо горело гневом и решимостью. Взгляд ее метнулся по залу, нашел Катю и застыл на ней на секунду – взгляд, полный немомго вопроса «Вот видишь, я приехала тебя спасать». Катя почувствовала, как вся кровь отливает от лица. Она сжалась, пытаясь, стать невидимкой. Нет. Нет. Нет.

Но Анна уже шла по проходу между столами, громко стуча каблуками по паркету. Шепот пробежал по залу. «Кто это?» «К Кате вон той...» «Мамаша?» Катя уткнулась в книгу, желая провалиться сквозь землю.

«Катя!» – громкий, пронзительный голос Анны разрезал тишину зала. «Идем! Мы сейчас пойдем к этой... твоей преподавательнице и все выясним! Я не позволю над тобой издеваться!»

Все глаза были прикованы к ним. Катя чувствовала их на себе – любопытные, насмешливые, жалостливые. Жар стыда охватил ее с головы до ног. Она не могла пошевелиться.

«Катя, встань! Не бойся!» – Анна подошла вплотную, схватила ее за руку выше локтя, властно потянула вверх. Папка со старославянским со стуком упала на пол. «Осторожно! Видишь, ты вся дрожишь! Эта тварь тебя довела!»

«Мам,... пожалуйста,... уходи...» – прошептала Катя, пытаясь вырвать руку, но хватка Анны была железной.

«Никуда я не уйду! Пока не восстановим справедливость! Где ее кабинет? Веди!» Анна почти потащила Катю к выходу из читального зала. По пути она громко, на всю округу, возмущалась: «Это безобразие! Позор университету! Такие кадры портят молодежь! Моя дочь – золотая медалистка! Она всю ночь работала! А эта... эта неудачница смеет ее третировать?!»

Катя шла, опустив голову. Слезы текли по щекам, но она даже не пыталась их смахнуть. Ее внутренний мир рухнул. Границы были не просто нарушены – они были растоптаны, уничтожены на глазах у всех. Она была не студенткой, не личностью. Она была беспомощным щенком, которого мамаша пришла защищать от злой тети. Чувство собственного достоинства рассыпалось в прах.

Анна, не обращая внимания на Катин слезы (или считая их слезами благодарности?), властно вела ее по коридору к кабинету Ирины Петровны. Она даже не спросила, где он – она знала. Видимо, выведала у кого-то из администрации по телефону.

Она резко распахнула дверь кабинета, не постучав. Ирина Петровна подняла голову от бумаг, брови поползли к волосам от возмущения.

«Вы кто? И что это за безобразие?» – ледяной тон преподавательницы.

«Я мать Екатерины Назаровой!» – Анна втолкнула Катю вперед, как вещественное доказательство. «И я пришла выяснить, на каком основании вы позволяете себе унижать мою дочь и третировать ее труд?!»

Катя стояла, сторбившись, глядя в пол. Она видела только полированный паркет и капли своих слез на нем. Голоса Анны и Ирины Петровны гремели над ней, как гром:

«Ваша дочь сдала неудовлетворительную работу!»

«Она старалась! Она не спала ночами! Вы просто не смогли оценить ее талант! Или вам, как неудачнице в науке, приятно самоутверждаться за счет студентов?»

«Как вы смеете! Вон из моего кабинета! Иначе вызову охрану!»

«Попробуйте! Я в СМИ обращусь! Я покажу всем, какие у вас тут „педагоги“ работают! Катя, скажи ей, как она тебя оскорбила! Скажи!»

Анна тряхнула Катю за руку. Катя вздрогнула, как от удара током. Она подняла голову. Увидела багровое от гнева лицо матери. Увидела бледное, перекошенное презрением лицо Ирины Петровны. Увидела в дверях кабинета любопытные лица студентов.

В этот момент что-то внутри нее... оборвалось. Острая, ледяная волна накрыла панику и стыд. Осталась только пустота. И жгучая, всепоглощающая ярость. Тихая, безмолвная, как смерч.

Она вырвала руку из цепкой хватки Анны. Сделала шаг назад. Голос, когда она заговорила, был тихим, хриплым, но таким незнакомо-твердым, что Анна на мгновение замолчала, пораженно глядя на нее.

«Выйди.»

«Что? Катя, я же...»

«Выйди. Отсюда. И из моей жизни. Сейчас.»

Катя не кричала. Она просто смотрела матери в глаза. И в этих глазах не было ни слез, ни страха. Только лед. И ненависть.

Анна остолбенела. Ее рот открылся, но звука не последовало. Она увидела что-то в дочери, чего никогда не видела. Что-то окончательное.

«Ты... ты, что... я же хотела как лучше...» – прошептала она, потерянно.

«Как лучше для кого?» – спросила Катя все тем же ледяным, мертвым тоном. «Для твоего проекта „Идеальная Дочь“? Он закрыт. Я ухожу.»

Она повернулась, прошла мимо ошеломленной Ирины Петровны, мимо столпившихся в дверях студентов, не видя их. Шла по коридору, не чувствуя ног. Шла к выходу. К свободе. Кривой, страшной, выжженной яростью и стыдом.

Анна осталась стоять в кабинете, бледная, как мел, глядя ей вслед. Гнев испарился, оставив только пустоту и щемящий ужас. Впервые за двадцать лет ее железной уверенности не было. Пробила брешь. И в эту брешь хлынул ледяной ветер страшного вопроса: Что... что я наделала?

Но Катя уже не слышала. Она вышла на улицу. Осенний ветер хлестнул по лицу. Она достала телефон. Нашла билеты на ближайший поезд в другой город. Купила. Потом зашла в настройки. Блокировка номера. МАМА.

Первая капля дождя упала ей на щеку, смешавшись с последней соленой слезой. Она стерла ее тыльной стороной ладони. И пошла собирать вещи. Побег начался.

Глава 4: Побег

Дождь усилился, превратившись в сплошную серую стену. Катя бежала по мокрому асфальту, не чувствуя тяжести рюкзака за плечами, не замечая луж. Адреналин гнал ее вперед, приглушая страх и стыд, которые еще недавно душили. В ушах все еще стоял гул голосов – материнский, визгливый от праведного гнева, Ирины Петровны, ледяной от презрения, шепот студентов. Но теперь над ними звучал ее собственный голос, хриплый и твердый: «Выйди из моей жизни». Это был приговор. И приказ самой себе.

Она ворвалась в квартиру, хлопнув дверью так, что задребезжали стекла в серванте. Время текло как густой мед, каждая секунда тянулась мучительно. Поезд уходил через два часа.

«Мама приедет сюда. Скоро.» Мысль пронзила мозг, как игла. Анна не смирится. Не оставит попыток «спасти», «объяснить», «вернуть». Катя рванула в свою комнату, вытащила из-под кровати старый спортивный чемодан на колесиках. Он пылился там годами, купленный когда-то для поездки в лагерь, от которой ее «спасла» мама, испугавшись кишечной инфекции. Ирония.

Она начала скидывать вещи в чемодан, не глядя, не разбирая. Джинсы, футболки, свитера. Ничего розового. Ничего из того, что так любовно выбирала Анна. Книжки? Только те, что были ее выбором, купленные на сэкономленные карманные деньги и спрятанные под матрасом. Ноутбук, зарядки. Документы – паспорт, СНИЛС, ИНН, вытащенные из маминой «сейф-папки» в шкафу. Деньги. Все накопленные за лето подработки деньги, которые Анна берегла на ее же благо.

Руки дрожали. Вещи не хотели укладываться. Чемодан казался тесным, неподатливым. «Ты не справишься!» – эхом отозвался в голове мамин голос. Катя сжала зубы, с силой придала крышку. Замок щелкнул с трудом. Проект «Идеальная Дочь» упакован в чемодан. Готов к отправке на свалку ее старой жизни.

Она выкатила чемодан в коридор. Взгляд упал на дверь маминой спальни. Приоткрытую. Там, на комод, в фарфоровой шкатулке в форме сердца, Анна хранила «ценности». Фотографии Кати с первого УЗИ до выпускного. Прядь ее детских волос. И... копии ключей. От квартиры. От ее комнаты. «На всякий случай, солнышко, если потеряешь». На всякий случай контроля.

Катя шагнула в комнату. Запах духов Анны, знакомый и вдруг такой чужой. Она открыла шкатулку. Милые безделушки. И связка ключей. Она вынула копию своего ключа от квартиры. Маленький, холодный кусочек металла, дававший Анне право врываться в ее жизнь когда угодно. Катя сжала его в кулаке, чувствуя, как острые грани впиваются в ладонь. Потом разжала пальцы. Ключ упал обратно в шкатулку, глухо звякнув о фарфор. Пусть остается здесь. Вместе с детскими локонами и иллюзиями.

Она уже поворачивалась, чтобы уйти, когда в прихожей грохнула входная дверь.

«КАТЯ!»

Голос Анны был диким, срывающимся, полным неподдельного ужаса. Она ворвалась в квартиру, сбрасывая мокрое пальто на пол, не замечая ничего. Ее лицо было искажено, глаза огромные, безумные. Она увидела Катю с чемоданом.

«Что... что это?!» – Анна указала на чемодан дрожащим пальцем, будто видела змею. «Ты куда?! Ты что, правда?! Из-за этого ужаса в универе?! Я же хотела помочь! Защитить тебя!»

Она бросилась к Кате, схватила ее за плечи, тряся с силой, которой Катя не ожидала.

«Одумайся! Это же просто истеричка! Я разберусь! Поговорю с ректором! Ее уволят! Ты увидишь! Не уезжай! Пожалуйста!» Слезы хлынули у Анны ручьем, смешиваясь с дождевыми каплями на лице. «Ты не можешь уехать! Я не переживу! Я твоя мать!»

Катя стояла неподвижно под ее хваткой. Не пыталась вырваться. Смотрела куда-то поверх маминого плеча, на вазу с искусственными цветами. Внутри было пусто. Ни страха, ни гнева. Только ледяная, всепоглощающая усталость. Ярость выгорела дотла в университетском коридоре, оставив пепелище.

«Отпусти, мама», – сказала она тихо, но так, что Анна вздрогнула и ослабила хватку. «Мой поезд через сорок минут».

«ПОЕЗД?!» – Анна отпрянула, как от удара. «Куда?! Зачем?! Кто тебе сказал, что ты можешь?! Ты же ребенок! Ты ничего не знаешь о жизни! Там опасно! Тебя обманут, ограбят, изнасилуют!»

Ее голос достиг истеричного визга. «Я не позволю! Я твоя мать! Я тебя рожала в муках! Я не спала ночами! ВСЁ ДЛЯ ТЕБЯ! А ТЫ?!»

Она замахнулась. Катя инстинктивно вжала голову в плечи, ожидая пощечины. Но удар не пришел. Кулак Анны сжался в воздухе, потом бессильно опустился. Она зарыдала, сползая по стене на пол прихожей, обхватив голову руками.

«Ты меня убьешь...» – выдохнула она сквозь рыдания, скуля, как раненое животное. «У меня сердце... Оно сейчас разорвется... Ты хочешь, чтобы я умерла? Ради твоей дурацкой гордости? Ради какой-то Петровой?»

Катя смотрела на нее. На эту женщину, сидящую в луже от мокрого пальто, с растрепанными волосами и опухшим от слез лицом. На источник всей своей боли и несвободы. Она ждала, что эти слова – про сердце, про смерть – пронзят ее, как всегда, острой виной. Но внутри оставалась только мертвая, оглушающая тишина. Манипуляция потеряла силу. Сердце не разорвалось. Оно просто перестало чувствовать.

Она взяла ручку чемодана. Колесики громко застучали по паркету, заглушая мамнины всхлипы.

«Катя... КАТЮША! НЕ УХОДИ! ПОЖАЛУЙСТА! Я ВСЕ ИСПРАВЛЮ!» – Анна попыталась вскочить, схватиться за чемодан, но поскользнулась на мокром полу и снова рухнула на колени. «ЧТО Я СДЕЛАЛА НЕ ТАК?! Я ЖЕ ЛЮБИЛА ТЕБЯ КАК МОГЛА!»

Катя остановилась у двери. Не оборачиваясь. Голос был чужим, плоским:

«Слишком сильно, мама. Слишком сильно».

Она открыла дверь. Холодный, влажный ветер ворвался в прихожую. Катя выкатила чемодан на площадку. И только там, за спиной, услышала последний, душераздирающий крик, пробивающийся сквозь захлопнутую дверь:

«ВЕРНИСЬ! ТЫ УБИВАЕШЬ МЕНЯ! КАТЯААА!»

Дверь лифта закрылась, отрезая крик. Катя прислонилась к холодной стенке кабины. Тишина. Только гул механизма и стук колесиков чемодана по полу лифта. Двадцать лет жизни уместились в одну сумку на колесах. В одной руке.

На вокзале было шумно, пахло сыростью, дешевым кофе и ожиданием. Она прошла контроль, села на жесткое сиденье в вагоне плацкарта. Забилась у окна. Занавеска пахла пылью. За стеклом мелькали огни города, который был когда-то домом. Она ждала паники. Ждала слез. Ждала, что в последний момент выскочит из поезда, побежит обратно – в теплую, душащую клетку.

Но пришло только онемение. Глубокое, всепоглощающее. Как после сильной боли. Сердце билось ровно, слишком ровно. Она прижала лоб к холодному стеклу. За окном, в темноте, промелькнул рекламный щит. Розовое платье. Как в детстве.

Поезд тронулся. Клетка осталась позади. Что впереди – было пустым, темным пятном. Но это была ее пустота. Ее темнота. И в ней не было материнского голоса, говорящего, как ее заполнить.

Катя закрыла глаза. Впервые за много лет ее никто не будил завтра. Никто не выбирал одежду. Никто не звонил каждые два часа. Страшно? Безумно. Но в этой страшной свободе был глоток воздуха. Первый за двадцать лет. Она вдохнула глубоко, втягивая запах пыли, пота и свободы. И уснула под мерный стук колес, уносящих ее прочь.

Глава 5: Пустота: Материнская Боль (Голос Анны)

Дверь захлопнулась. Окончательно. Гулко, как выстрел. Звук колесиков чемодана, тающий в лифтовой шахте, сменился гнетущей, звенящей тишиной. Анна осталась сидеть на полу прихожей, в луже от своего мокрого пальто. Холодная вода пропитала колготки, но она не чувствовала холода. Она чувствовала только пустоту. Огромную, черную, бездонную дыру, развершуюся прямо посреди ее аккуратного, вылизанного мира.

«Катяааа...» – ее собственный вопль, такой дикий и отчаянный, все еще висел в воздухе, смешиваясь с запахом влажной шерсти и ее дорогих духов, которые теперь казались ядовито-сладкими. Она ждала ответа. Стука в дверь. Плача. Хоть чего-то. Но ответила только тишина. Глубокая, насмешливая, всепоглощающая.

Она попыталась встать. Ноги не слушались, подкашивались. Ухватила за ручку двери, оставив мокрый отпечаток. Дошла до гостиной, шатаясь, как пьяная. Ее взгляд упал на диван. Там, на спинке, все еще лежала Катина шапка – та самая, «новая, дорогая», из-за которой был скандал позавчера. Анна схватила ее, прижала к лицу, вдыхая слабый запах дочерних волос. «Катюша... зачем?» – прошептала она в вязаную ткань. Но шапка была немой и холодной.

Она бросила ее на пол и рванула в Катину комнату. Дверь распахнута. Пустота здесь была еще страшнее. Следы спешки: выдвинутый ящик комода, пустая вешалка, где висело любимое Катино худи, которое Анна всегда ругала за «неопрятность». Постель не застелена. На столе – кружка с недопитым чаем. Казалось, Катя вот-вот вернется... Но Анна знала – не вернется.

«Не справится!» – вырвалось у нее вслух, резко, как плевок. Голос звучал чужим, полным нелепой уверенности, которая уже трещала по швам. «Она же ребенок! Она простудится, заблудится, ее обманут! Она не умеет ничего! Я же все за нее делала!» Анна металась по комнате, хватая вещи, оставшиеся: мягкую игрушку-щенка (подарок на 10 лет), тюбик почти законченной помады, старую тетрадь с детскими стихами. Она прижимала их к груди, как святыни, но они не давали тепла. Только напоминали: ее девочки больше нет.

Телефон! Мысль ударила, как ток. Она вытащила свой мобильник, руки тряслись так, что она еле попала пальцем на любимый номер. Катя. Набор... Длинные гудки... Потом – короткие, отрывистые гудки занятости. Она набрала снова. И снова. И еще раз. Все тот же результат. Заблокирована. Слово прожгло мозг. Заблокирована. Как дверь. Как ее сердце.

Паника, холодная и липкая, поднялась из живота к горлу. Анна начала набирать номера наугад. Подруга Кати, Маша? («Анна Игоревна? Катя? Нет, я ее не видела... Что случилось?» – растерянный голос). Классный руководитель из школы? («Катя? Она же в университете... Вам к психологу обратиться?» – озабоченно). Даже бывший муж, отец Кати, живший за тысячу километров («Аня? Остынь. Дай ей пожить. Она взрослая» – раздраженно-спокойно). Каждый разговор был ударом. Никто не знал. Никто не понимал ее ужаса. Никто не видел, как рушится мир!

Она швырнула телефон на Катину кровать. Он отскочил и упал на пол. Анна не стала поднимать. Она опустилась на опустевшее Катино место за столом. Уткнулась лбом в холодный пластик. Перед глазами поплыли картинки – не будущее, а прошлое.

Детство. Не ее. Катина. Маленькая Катя, лет пяти, в том самом розовом платье с бантом. Она кружится перед зеркалом, смеется, но глаза... глаза испуганные, ищущие одобрения. «Красиво, мама?» А она, Анна, стоит рядом, поправляет бант, говорит: «Конечно, солнышко! Мама лучше знает, что тебе к лицу!» И Катя замирает, улыбка становится натянутой. «Мама лучше знает...»

Подросток. Кате четырнадцать. Она приносит домой двойку по алгебре. Анна не кричит. Она плачет. Тихими, горькими слезами. «Я же ночами не сплю, Катя... Работаю, чтобы ты могла учиться... А ты? Ты разбиваешь мне сердце...» Катя стоит, сгорбившись, слезы катятся по щекам. «Прости, мама... Я исправлю...» И Анна обнимает ее, прижимая к себе: «Я знаю, солнышко. Мама все решит. Найдем репетитора». Решение. За нее.

Выпускной. Катя в роскошном платье, выбранном Анной. Она красива. Но глаза снова... пустые. Она хочет поступать на дизайн. Анна мягко, но неумолимо: «Дизайн? Катя, милая, это несерьезно. Ты же умница, золотая медалистка! Филология – вот твое! Языки! Престижно! Я не смогла... ты должна!» И Катя смотрит в пол, кивает. «Хорошо, мама...» Ее мечта – синее платье с корабликами – снова осталась в магазине.

«Я хотела как лучше...» – Анна прошептала в тишину комнаты. Голос сорвался. «Все для нее... всю жизнь... Ради нее...» Она подняла голову, уставившись на пустую вешалку. «Почему?» – вопрос вырвался стоном. «Почему она ненавидит меня?!»

Ответом была тишина. Гулко отдававшая в опустевшей квартире. Анна встала, пошла на кухню. На автомате поставила чайник. Достала Катину любимую кружку – с котятками. Налила кипятка. Заварила чай. «Катюша, чай готов!» – сорвалось с губ привычной фразой. Тишина. Чай остывал в милой, ненужной кружке.

Она взяла свою кружку, пошла в гостиную. Села в свое кресло – напротив пустого дивана, где всегда сидела Катя. Включила телевизор. Голоса дикторов, музыка рекламы – бессмысленный шум, не заглушающий звенящей пустоты внутри. Она смотрела на экран, не видя. В голове крутилась одна мысль, как заезженная пластинка: «Она сбежала. Она бросила меня. Она меня ненавидит. Я осталась одна. Совсем одна».

Слезы текли по ее щекам беззвучно, горячими, бесполезными ручьями. Она не вытирала их. Руки бессильно лежали на коленях. Весь ее мир, такой надежный, такой выстроенный вокруг одного человека, рухнул в одно мгновение. Теперь остались только стены. Дорогие обои. Безупречно чистая плитка. И всепроникающая, душащая пустота. Любовь обернулась проклятием. Забота – клеткой, из которой сбежала ее птичка. И унесла с собой все солнце.

Она сидела так долго. Пока за окном не стемнело окончательно. Пока чай в Катиной кружке не покрылся холодной пленкой. Пока тишина не стала невыносимой.

И тогда Анна закричала. Не имя. Не слова. Просто долгий, бессвязный, животный вопль отчаяния и боли, сорвавшийся из самой глубины разорванного материнского сердца. Крик в пустоту. Крик в никуда.

Он прозвучал и затих, поглощенный стенами пустой квартиры. Никто не пришел. Никто не услышал. Она была одна. Совершенно и бесповоротно одна. И эта мысль была страшнее всего.

Часть II: ЗЕРКАЛА И ТРЕЩИНЫ

Глава 6: Свобода = Паника (Катя)

Студенческое общежитие. Коридор пахнет дешевой едой, пылью и чужими жизнями. Комната Кати – клетка размером три на четыре, но это ее клетка. Дверь закрывается изнутри. Замок щелкает с тихим, обнадеживающим звуком. Никто не войдет без стука. Теоретически.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.